

НАКАЗАНИЯ И ПООЩРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ: ДАННЫЕ ПОСЛЕДНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Целью данной работы является сопоставление представлений родителей и детей о чувствах, которые они испытывают сами и которые, с их точки зрения, возникают у другого в момент наказания и поощрения в семье, а также соотношение переживаний, о которых сообщали дети, с изменением variability сердечного ритма в процессе воспоминания об этих переживаниях. В обследовании принимали участия 184 человека.

Обработка результатов проводилась пакетом программы SPSS. Показано несоответствие представлений родителей о чувствах детей при наказании и поощрении. Обнаружено, что если ребенка не хвалят, у него отсутствуют вегетативные реакции на наказание любой силы.

Ключевые слова: наказание, поощрение, семья, родители, дети.

Система поощрений и наказаний в семье призвана обучать ребенка правилам жизни в том обществе, в котором он родился. В естественных условиях для человека и животного последствия поступков имеют подкрепляющее значение (позитивное или негативное). Но в человеческом обществе система подкрепления определяется не столько условиями выживания индивида, сколько коллективными представлениями, которые меняются с изменением условий жизни общества. Именно поэтому был период в жизни человечества, когда в процессе преподавания обязательным условием эффективности усвоения знания детьми была любовь [Марру, 1998], и был период, когда столь же мощным оружием считалась розга [Бертрам, 1992; Делумо, 2003], сейчас часто обсуждаемой темой является обучение без наказания [Николаева, 2006].

Типичная семья с большим трудом идет на контакт с исследователем при рассмотрении воспитательных воздействий в отношении ребенка [Black et al., 2001]. Это объясняется, с одной стороны, ложными представлениями многих родителей о невозможности наказания в идеальной семье, с другой – интуитивным ощущением многих из них, что использование тех видов наказания, к которым они прибегают в эмоциональной ситуации, является свидетельством их некомпетентности как родителей.

При этом введение жестких рамок Женевской конвенции в отношении психологического исследования, требующей обязательного согласия испытуемых на проведение эксперимента и ограничивающей возможности использования тех или иных методов при работе с людьми и, тем более, с детьми, привело к резкому сокращению исследований в области насилия в семье.

Прежде всего встает вопрос об однозначном понимании терминов «наказание» и «поощрение» экспериментатором и респондентами. Разработанная система описания этих явлений существует в рамках оперантного поведения [Прайор, 1995; Staddon, Cerutti, 2003]. В этом случае наказание – это любая ситуация, в которой родители сигнализируют ребенку о социальной неприемлемости определенного поведения и делают нечто, что должно прекратить его повторение. Поощрение же в данном контексте рассматривается как обучение на основе подкрепления. Подкрепление – некоторое воздействие, которое усиливает социально приемлемое поведение. Оно может быть позитивным и негативным в зависимости от того, на фоне какой эмоции осуществляется взаимодействие родителей и детей. Известно, что очень часто родитель, полагая, что совершает наказание, негативно подкрепляет ребенка, усиливая то, что желает прекратить.

Литературным примером такого рода является воспоминание Ж. Ж. Руссо, приведенное им в «Исповеди» [Руссо, 2004. С. 231], об особом воздействии, которое на него произвело физическое наказание. Рано потеряв родителей, он воспитывался в закрытом заведении, где возникла характерная для таких случаев ситуация: «Так как мадам Ламберсье любила нас как мать, она пользовалась и материнской властью, простирая ее до того, что подвергала нас порой, когда мы этого заслуживали, наказанию, обычному для детей. Довольно долго она ограничивалась лишь угрозой, и эта угроза наказанием, для меня совершенно новым, казалась мне страшной, но после того, как она приведена была в исполнение, я нашел, что само наказание не так ужасно, как ожидание его. И вот что странно: это наказание заставило меня еще больше полюбить ту, которая подвергала меня ему. Понадобилась вся моя искренняя привязанность, вся моя природная мягкость, чтобы помешать мне искать случая снова пережить то же обращение с собой, заслужив его; потому что я обнаружил в боли и даже в самом стыде примесь чувственности, вызвавшую во мне больше желания, чем боязни снова испытать то же от той же руки» [Руссо, 2004. С. 231].

Данное воспоминание не столько передает содержание реальной ситуации и ее непосредственное переживание ребенком, сколько осмысление много пережившим и испытавшим взрослым того, какие обстоятельства жизни предопределили развитие тех или иных качеств его личности. Приступая к работе по анализу системы поощрения и наказания в семье, мы осознавали, что будем работать не с самой этой системой, а с представлениями детей и родителей о ней, опосредованной множественными параметрами их личности и зависящими от особенностей той культуры, в которую погружена семья.

Целью данной работы было сопоставление представлений родителей и детей о чувствах, которые они испытывают сами и которые, с их точки зрения, возникают у другого в момент наказания и поощрения в семье, а также соотнесение переживаний, о которых общались дети, с изменением вариативности сердечного ритма в процессе воспоминания об этих переживаниях.

Материалы и методы

В эксперименте принимали участие школьники различного возраста средних общеобразовательных школ Санкт-Петербурга и их родители.

Эксперимент состоял из двух частей. В первой части родители и дети отвечали на вопросы вопросника, разработанного отдельно для детей и их родителей [Николаева, 2006]. Во второй части только дети устно отвечали на вопросы относительно методов поощрения и наказания, и в это время проводилась запись вариаций сердечного ритма.

Поскольку часть родителей либо отказалась от участия в исследовании, либо отвечала не на все предлагаемые вопросы, то в обработке использовали результаты только тех детей, родители которых ответили не менее, чем на половину вопросов анкеты. Отсутствие ответа у родителя, принципиально согласившегося участвовать в эксперименте и ответившего на часть вопросов, в данном случае рассматривалось как своеобразный ответ.

В общей сложности в первой части эксперимента были проанализированы ответы 21 второклассника (7–8 лет), 21 шестиклассника (11–12 лет) и 19 девятиклассников (14 лет), а также ответы их родителей. Таким образом, общее число участников исследования составило 122 человека.

Обследование детей второго и шестого класса проводилось индивидуально. В процессе беседы психолог сам записывал ответы ребенка на вопросы относительно поощрения и наказания в семье. В случае необходимости он переформулировал вопрос, если у него возникали сомнения в том, что ребенок правильно его понял. Например, на вопрос: «Наказывают ли тебя дома?» – ребенок отвечал отрицательно, но на вопрос: «Что делают мама или папа, если ты сделал что-то не так?» – он весьма подробно описывал ситуацию наказания. Старшеклассники и родители самостоятельно заполняли вопросник в кабинете психолога, часто вступая с ним в диалог по поводу тех или иных вопросов. В начале опросника давалось определение наказания и поощрения и приводились соответствующие примеры. Если высказывания во время этого диалога были более полными или позволяли уточнить ответы, то они затем вносились психологом в результаты.

Для получения информации о системе наказания и поощрения в семье мы использовали разработанный нами опросник, включающий два варианта – детский и взрослый. Он был предварительно апробирован на более чем 500 детях разного возраста (от 4 до 15 лет) и соответствующем числе их родителей [Николаева, 2006]. Половине опрошенных давался его вариант, в котором сначала были представлены вопросы о наказании, затем о поощрении, другой половине – вариант, в котором сначала предлагались вопросы относительно поощрения, а потом о наказании.

Ответы детей группировались, каждой группе придавалось цифровое значение. Эти данные анализировались.

Электрокардиограмма в отведении «рука – рука» была записана в положении «сидя» в кабинете психолога в школе у всех учащихся, а затем обработана компьютерной программой Омега-М. Были получены показатели, соответствующие стандарту европейского кардиологического общества: VLF (Very Low Frequency) – мощность (уд/мин²) в очень низкочастотном диапазоне 0,00–0,04 Гц: физиологическая природа не ясна; LF (Low Frequency) – мощность (уд/мин²) в низкочастотном диапазоне 0,04–0,15 Гц: отражает главным образом активность симпатического отдела ВНС; HF (High Frequency) – мощность (уд/мин²) в высокочастотном диапазоне 0,15–0,40 Гц: отражает активность парасимпатического отдела ВНС; LF / HF: отражает баланс симпатического и парасимпатического отделов ВНС; LF / (LF + HF) – нормированный показатель LF (nLF, %); HF / (LF + HF) – нормированный по-

казатель HF (nHF, %); (LF + HF) / PW – доля суммарной мощности парасимпатического и симпатического отделов ВНС в общей мощности спектра (nLH, %) [Task..., 1996].

Для анализа были использованы данные 162 детей (мальчиков и девочек). Однако у 6 детей была обнаружена экстрасистолия, поэтому их данные не были использованы в дальнейшем исследовании. Все дети посещали гимназию. Обследовано 4 первых и 4 вторых класса (дети, родители которых согласились на обследование). Мы не исследовали реальную ситуацию поощрения и наказания в семье, мы анализировали вегетативные реакции детей в соответствии с тем, как они представляют себе наказание и поощрение и как они сообщают об этом экспериментатору. Сначала проводилась фоновая запись (в спокойном состоянии записывали 300 R-R интервалов, затем у половины детей в случайном порядке сначала записывали кардиограмму, когда ребенок отвечал на вопросы о наказании, а затем – о поощрении.

Кроме качественного описания характера ответов, были проведены корреляционный и факторный анализы результатов с помощью компьютерной программы обработки данных SPSS (версия 11.5).

Результаты исследования

Чувства при наказании детей и родителей. Анализ ответов детей выявил (табл. 1), что описание переживаний в момент наказания напрямую зависит от возраста. Чем меньше ребенок, тем в большей мере он испытывает страх. Характерны высказывания детей:

Таблица 1

Чувства, которые дети и родители называют при наказании для себя (%) *

Класс	Оскорбление	Обида	Плохо, боль, страх	Вина, горечь, сожаление, грусть	Злоба, ненависть	Нет ответа	Не знаю	Ничего	Желание обсудить
2 дети	0	0	47,5	4,8	4,8	28,5	9,6	4,8	0
2 род	0	14,3	0	23,8	9,5	47,6	0	0	4,8
6 дети	0	33,3	9,5	33,3	9,6	9,5	0	4,8	0
6 род	0	9,5	0	23,9	9,5	57,1	0	0	0
9 дети	10,4	21,1	0	21,1	21,1	26,3	0	0	0
9 род	0	0	0	84,2	5,3	0	5,2	0	5,3

* Примечание: обычным шрифтом представлены ответы детей, жирным – ответы их родителей. Многие респонденты давали несколько ответов, поэтому в некоторых случаях общая сумма более 100 %.

«Я чувствую, что у меня болит живот». С возрастом появляются социальные чувства, например, вина, сожаление («Я чувствую, что мне надо думать над своим поведением» или «Я – плохой ребенок»), а также раздражение, обида и агрессия.

Практически половина родителей детей младшего возраста не отвечают на этот вопрос, хотя это делают все родители девятиклассников. Родители подростков чаще сообщают о том, что испытывают сожаление и вину, дополнительно рассказывая психологу, что ощущают себя в этот момент некомпетентными родителями. Двое родителей настаивали на стремлении разрешить ситуацию разумным способом, стремясь уйти от эмоций.

Обращает на себя внимание факт, что треть второклассников так или иначе не называет эмоции. При этом два ребенка сказали, что они ничего не чувствуют в этот момент. Четверть 9-классников предпочитают также не отвечать на этот вопрос.

При описании чувств другого участника наказания обнаруживается взаимное непонимание, хотя его отмечают лишь три родителя (табл. 2). Младшие дети, которые, в основном, боятся этой ситуации, приписывают родителям злобу и правоту. Их родители видят в детях обиду, сожаление. Примечательно, что часть родителей, ранее не отвечавших на вопросы, этот пункт предпочли заполнить, что говорит о болезненности ситуации и осознании этого: боязнь сказать о своих негативных чувствах и очевидное признание их в детях. Подростки, ответившие на вопрос, приписывают родителям преимущественно деструктивные чувства – разрядку, обиду, злобу. Они впервые отвечают более многословно, приписывая родителям несколько вариантов чувств (среди которых нет ни одного конструктивного), что

привело к тому, что общая сумма процентов превышает 100. Их родители соответственно видят в детях обиду, но часть из них ощущает в ребенке раскаяние, сожаление, вину.

С нашей точки зрения, за пунктами «нет ответа» и «не знаю», «ничего» скрываются разные позиции. «Нет ответа» – это недоверие к экспериментатору, его компетентности и необходимости передавать ему столь тонкую информацию. В ответе «не знаю» отражается работа психологической защиты [Bugental, Johnson, 2000; Peace, Porter, 2004; Salmivalli, 2001]. Человек знает, поскольку трудно не видеть эмоциональную реакцию в другом или не чувствовать ее в себе, но ему больно и страшно ее назвать. Подтверждением этого размышления является диалог с девочкой второго класса. На вопрос: «Как ты думаешь, что чувствует мама, когда тебя наказывает?» – она широко распахнула глаза, наклонилась к экспериментатору и сказала тихо: «Это не нужно знать. Там очень страшно». Увидеть в близком человеке – ребенку или родителе – ненависть или злобу и назвать это чувство деструктивно для личности. Ответ «не знаю» позволяет уйти от этого. Недаром именно при описании чувства другого участника событий резко возросло число таких ответов у детей. Ответ «ничего», «нормально» требует дополнительного исследования, поскольку может скрывать очень многое, но только не отсутствие самого чувства. Возможно, это и есть первый шаг к психосоматике через алекситимию.

Чувства при поощрении у детей и их родителей. Описание детьми и родителями собственных чувств при поощрении (табл. 3) вызывает пристальное внимание. Если младшие школьники делятся примерно на 3 равные группы, описывая радость или гордость, или чувс-

Таблица 2

Чувства, которые дети и родители приписывают друг другу при наказании

класс	Разрядка	Обида	Правота, радость	Злоба, ненависть	Страх	Жалость, грусть, сожаление	Вина, стыд	Не знаю	Нет ответа	Ничего	Непонимание
2 дети	0	0	9,5	28,5	0	9,5	0	19,3	28,5	4,7	0
2 род	0	19,0	0	4,8	4,8	14,3	4,8	0	42,7	0	9,6
6 дети	0	9,6	9,6	4,8	0	23,8	4,8	33,2	14,2	0	0
6 род	0	19,0	0	4,8	0	0	14,3	0	57,1	4,8	0
9 дети	21,5	21,5	21,4	21,4	0	0	0	26,3	15,8	0	0
9 род	0	52,6	0	10,5	0	10,5	5,2	15,8	0	0	5,2

тво свободы, то подростки предпочитают скрывать свои чувства за ответами «не знаю», «не помню» и «ничего». Это гармонирует с отсутствием ответов у родителей или их сожалением по поводу того, что они зря поощряют детей. Впервые 9-классники и их родители полностью расходятся в описании ситуации: родителей переполняет радость, а дети предпочитают спрятать свои чувства, возможно, прежде всего, от себя. Можно предположить, что именно невозможность описать позитивные чувства и составляет основу алекситимии. Это предположение связано с тем, что даже неназванные негативные чувства пронзают организм стрессом. Но неназванные положительные чувства лишают организм позитивного подкрепления для противостояния стрессу, подкрепления иммунной системы, которая имеет непосредственные связи с лимбической [Wenzlaff, Wegner, 2000].

Это рассогласование отражает и табл. 4, в которой детьми и родителями даны описания чувств друг друга. Если родители оптимистично полагают, что дети рады и благодарны им, то дети дипломатично уходят от ответа. Возможно, подобные чувства рождены разочарованием, которое чувствуется в родителях, полагающих, что неблагодарным детям «всего мало». По-видимому, нерешенные

эмоциональные проблемы в процессе наказания не позволяют детям доверять родителям при поощрении.

Статистический анализ данных. Данная выборка с помощью программы SPSS была оценена на нормальность и адекватность (с использованием критерия адекватности выборки Кайзера – Мейера – Олкина) и критерий сферичности Барлетта (критерий многомерной нормальности для распределения переменных). По результатам первой части эксперимента был проведен компонентный анализ для уточнения количества факторов, описывающих данную выборку. В качестве метода факторизации был выбран обобщенный метод наименьших квадратов, позволяющий оценить статистическую значимость «качества подгонки» – полноты факторизации по распределению остаточных коэффициентов корреляции (согласно критерию $\chi^2 = 140,364$, $p = 0,000$). В результате обработки было принято 8-и факторное решение с учетом статистической значимости «качества подгонки».

Ниже приведена факторная структура вариакс-вращения. Суммарная информативность всех 8 факторов составляет 0,70, т. е. выделенные факторы объясняют 69,9 % суммарной

Таблица 3

Чувства, которые дети и родители называют при поощрении для себя

класс	Счастье, радость, любовь	Гордость, справедливость	Ничего	Не помню	Не знаю	Нет ответа	Могу делать, что хочу	Огорчение, делаю зря
2 дети	33,3	38,1	4,8	0	0	0	23,8	0
2 род	28,6	0	0	0	0	61,9	0	9,6
6 дети	14,3	4,8	4,8	57,1	19,0	0	0	0
6 род	28,6	9,6	0	0	14,3	47,6	0	0
9 дети	15,8	0	10,5	52,6	21,1	0	0	0
9 род	73,8	21,1	0	0	5,2	5,2	0	0

Таблица 4

Чувства, которые дети и родители приписывают друг другу при поощрении

класс	Счастье, радость, любовь	Гордость	Ему этого мало	Ничего	Не знаю	Нет ответа	Желание правильно поступать
2 дети	66,7	0	0	0	9,5	23,8	0
2 род	38,1	0	4,8	0	0	57,1	0
6 дети	23,8	4,8	0	4,8	61,9	4,8	0
6 род	42,9	0	0	0	9,6	47,6	0
9 дети	26,3	26,3	0	0	42,9	0	0
9 род	57,9	42,1	0	0	5,2	0	5,2

дисперсии признаков, что можно считать хорошим результатом факторизации.

Фактор 1 имеет наибольшую информативность, объединяя 32 % всех изменений. В него с большим весом входят все ответы родителей (которые имеют высокие коэффициенты корреляции между собой), а также (с отрицательным знаком) ответ детей о том, как их наказывают. Данный фактор можно назвать родительским взглядом на систему наказания и поощрения. Это действительно целостная система, не распадающаяся на отдельные элементы. Она, с одной стороны, порождает детское ощущение того, как наказывают, с другой стороны, непосредственно определяется им. Данные свидетельствуют о том, что каждое последующее поощрение является попыткой родителей заглянуть предшествующее наказание, в котором они сами негативно представляют собственную роль. Именно поэтому в реальности так взаимосвязаны ситуации, которые, с теоретической точки зрения, должны строиться на разных основаниях (наказание направлено на уничтожение или ослабление определенного поведения, а поощрение – на усиление совсем другого поведения).

Фактор 2 (9,0 % вариантов) включает ответы детей о том, как их наказывают. Его можно называть представлением детей о наказании.

Фактор 3 (6,3 % вариантов) объединяет с большим перевесом ответы детей о том, как они будут наказывать и хвалить в будущем, и то, за что их наказывают сейчас. Его можно назвать детским представлением об идеальной системе наказания и поощрения, поскольку то, что они собираются делать в будущем со своими детьми, отражает то, как, с их точки зрения, должен протекать процесс воспитания детей в семье. Эта идеальная система строится на основе того, что они испытывают при наказании сейчас.

Фактор 4 (6,0 % вариантов) включает 3 ответа: с большим весом утверждение ребенка, что его наказывают, его представление о том, что чувствуют родители при наказании, и с отрицательным знаком ответ родителей о том, что чувствует ребенок при наказании. Чем большую интенсивность чувств ощущает ребенок в наказывающем его родителе, тем меньше чувств замечает в нем сам родитель, как бы закрываясь от очевидной представленности эмоции в собственном чаде. Этот фак-

тор описывает систему взаимного непонимания, порождающего наказание.

Фактор 5 (5,6 % вариантов) описывает три ответа, отражающих представления ребенка о том, как его поощряют: за что поощряют, что он испытывает при этом и как будет хвалить своих детей в будущем. Мы назвали его фактором представлений ребенка о системе поощрения.

Фактор 6 (4,3 %) включает три ответа, среди которых один входит с положительным знаком (ответ ребенка о том, как его поощряют) и два с отрицательным (его ответ, поощряют ли его вообще и что, с его слов, чувствуют родители при наказании). Он в наибольшей степени отражает неудовлетворенность детей системой поощрения, которая, по их интуитивному ощущению, зависит от чувств родителей в процессе наказания. Именно поэтому мы назвали его фактором детского ощущения противоречивости системы поощрения.

Фактор 7 (3,6 %) объединяет два ответа детей – с большим весом ($-0,728$) ответ о том, что чувствуют, с их слов, родители при наказании, и с меньшим, но положительным значением ($0,302$) – чувства, которые они, также со слов детей, испытывают при поощрении. Он отражает зависимость чувств родителей при поощрении от чувств, которые они, по ощущениям ребенка, испытывают при наказании. Поэтому мы и назвали его фактором взаимозависимости поощрения и наказания.

Фактор 8 (3,0 %) включает два ответа с наибольшим весом: описание родителями своих чувств при наказании ($0,642$) и ответ ребенка о том, как он будет наказывать, когда вырастет ($-0,350$). Чем интенсивнее самоощущение родителей в процессе наказания, тем меньше желание у ребенка наказывать кого-то в будущем. Это фактор, описывающий формирование родителями системы ценностных представлений ребенка.

Эти данные, как и более ранние наши данные, свидетельствуют о большой связанности наказаний и поощрений в семье. Однако анализ вариативности сердечного ритма показывает еще больше.

Факторный анализ показателей вариативности сердечного ритма с помощью метода главных компонент соответствовал трехфакторному решению, при котором было охвачено 70 % изменений. Первый фактор свя-

зан с симпатическими реакциями детей как на поощрение, так и наказание. Вторым фактором связан с парасимпатическими реакциями в обоих случаях. Наконец, последний фактор включал сообщения детей о методах поощрения и чувствах детей при этом, а также показатель отсутствия реакций на эмоциональные раздражители. В тех случаях, когда у ребенка не было реакции при описании эмоциональной ситуации, он получал соответствующую отметку в протоколе. Анализ обнаружил, что если ребенок сообщал, что его не поощряют, то у него отсутствовали реакции на наказание любой силы.

Обсуждение

В раннем детстве и родители, и ребенок предождают понимание при общении, поэтому оно приносит взаимную радость [Bohanek, Fivush, Walker, 2005; Eisenberger, Shanock, 2003]. Мать предполагает, что ребенок готов следовать ее желаниям, а ребенок ожидает, что она разрешит все его проблемы. Это идеальная ситуация, в которой каждая сторона готова отвечать на потребности другой. Однако процесс формирования личности предполагает конфронтацию со средой и, прежде всего, с ближайшим окружением, т. е. семьей. Это влечет за собой изменение эмоциональных отношений с родителями, которые определяются эмоциональными особенностями той микросреды, в которой ребенок растет, а также тем, как общество, в которое погружена эта микросреда, определяет личную свободу, позволяет ее или ограничивает, какие методы оно предлагает для формирования соответствия личности общественным требованиям [Bugental, Johnson, 2000]. Поощрение и наказание отражают этот процесс формирования соответствия личности ребенка общественным требованиям, которые в данном случае опосредуются системой представления родителей о том, каковы эти требования.

Известно, что негативные события лучше сохраняются в памяти и эффективность их воспроизведения не зависит от метода воспроизведения. Положительные события, напротив, быстрее забываются и эффективность их запоминания напрямую зависит от метода получения информации [Pease, Porter, 2004]. Отрица-

тельно окрашенные события воспринимаются как более интенсивные [O'Brien, 1971].

Факторный анализ методов поощрения и наказания фиксирует взаимное непонимание между родителями и детьми, которое интуитивно конструируется родителями (поскольку не осмысливаются его последствия взрослыми, и они не стремятся обсуждать это с детьми так, чтобы это сохранилось в памяти и тех, и других). Каждая сторона описывает переживаемые эмоции другой стороной и при поощрении, и при наказании не так, как это ощущается вторым участником события.

Мы не анализировали реальную систему наказания, но лишь то, как это описывают для себя дети и родители. Оказалось, что в представлении детей, их поощрение напрямую связано с тем, как их наказывают. В описании родителей обе эти системы составляют один фактор, свидетельствующий о том, что они неразрывны в их ментальном представлении.

Если младшие дети боятся описывать чувства родителей в процессе наказания, то подростки отказываются назвать чувства при поощрении. Они воспринимают наказание как оскорбление. Известно, что вероятность оскорблений детей (исключая социальные факторы, которые здесь не рассматриваются) связаны с эмоциональным состоянием родителей и стрессом, в том числе ощущением родительской некомпетентности [Pease, Porter, 2004; Salmivalli, 2001]. Агрессивными могут быть как люди с высокой, так и с низкой самооценкой, поскольку часто незащищенность не осознается [O'Brien, 1971].

Полученные данные согласуются не с тем, что ситуации поощрения и наказания отражают обучение детей соответствию определенным социальным нормам, а с тем, что родители обучают детей в какой-то момент не понимать состояние другого человека. Родители младших школьников перестают слышать и видеть то, что чувствует ребенок при наказании. Дети обучаются как осознанно, так и имплицитно [Bohanek, Fivush, Walker, 2005], причем обучение особенно эффективно в тех случаях, когда его проводит родитель [Bugental, Johnson, 2000], да еще в условиях повышенной эмоциональности [Black, Slep, Heyman, 2005]. И если младшие школьники еще открыто говорят о переживаемых эмоциях, то подростки закрываются, особенно в момент описания позитив-

ной ситуации. Дети чувствуют поощрение как компенсацию за наказание, поэтому и отказываются или дистанцируются от нее. Вытеснение переживаний имеет высокую значимость для сохранения личности, особенно в период ее формирования [Wenzlaff, Wegner, 2000].

Анализ кардиологических реакций доказывает необходимость поощрения как отдельного параметра в системе воспитания. Судя по данным результатам, именно поощрение играет важную роль в формировании вегетативного ответа, а потому, если ребенок ощущает, что его не хвалят, он неосознанно начинает подавлять реакцию на наказания любой силы. Но это и есть свидетельство перехода психологического переживания в соматическое расстройство.

Неспособность родителей описать собственное поведение при наказании и поощрении, отсутствие потребности анализировать собственные действия и их последствия приводят к тому, что этому не обучаются и их дети. Более того, они включают специальные механизмы, препятствующие осознанию эмоциональных переживаний, что приводит к алекситимии. Но эти же механизмы препятствуют возможности видеть и понимать эмоциональное состояние другого человека. Возможно, что именно в этот момент закладываются психосоматические связи, при которых стресс непосредственно влияет на ту или иную соматическую систему без смягчающего влияния вербализации, т. е. осознания, требующего изменения поведения человека и тем самым выхода его из травмирующих обстоятельств.

Список литературы

Бертрам Д. Г. История розги: В 2 т. М.: Просвет, 1992. Т. 1.

Делюмо Ж. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.): Пер. с франц. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003.

Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М.: Греко-латинский кабинет, 1998.

Николаева Е. И. Сравнительный анализ представлений детей и их родителей об осо-

бенностях поощрения и наказания в семье // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 2. С. 118–125.

Прайор К. Не рычите на собаку. М.: Селена, 1995.

Руссо Ж.-Ж. Исповедь. М.: Захаров, 2004.

Black D. A., Heyman R. E., Slep A. M. S. Risk factors for child physical abuse // *Aggression and Violent Behavior*. 2001. Vol. 6. P. 121–188.

Black D. A., Slep A. M. S., Heyman R. E. Risk factors for child psychological abuse // *Aggression and Violent Behavior*. 2005. Vol. 6. P. 189–201.

Bohanek J. G., Fivush R., Walker E. Memories of positive and negative emotional events // *Applied Cognitive Psychology*. 2005. Vol. 19. P. 51–66.

Bugental D. B., Johnson Ch. Parenting and child cognition in the context of the family // *Annual Review Psychology*. 2000. Vol. 51. P. 315–344.

Eisenberger R., Shanock L. Rewards, Intrinsic motivation, and creativity: a case study of conceptual and methodological isolation // *Creativity Research Journal*. 2003. Vol. 15. № 2. P. 121–130.

O'Brien J. E. Violence in divorce prone families // *A Marriage and the Family*. 1971. № 11. P. 692–698.

Peace K. A., Porter S. A longitudinal investigation of the reliability of memories for trauma and other emotional experiences // *Applied Cognitive Psychology*. 2004. Vol. 18. P. 1143–1159.

Salmivalli Ch. Feeling good about oneself, being bad to other? Remarks on self-esteem, hostility, and aggressive behavior // *Aggression and Violent Behavior*. 2001. Vol. 6. P. 375–393.

Staddon J. E., Cerutti D. T. Operant conditioning // *Annual Review Psychology*. 2003. Vol. 54. P. 115–144.

Task force of the European Society of cardiology and the North American Society of Pacing and Electrophysiology. Heart rate variability. Standards of measurements, psychological interpretation and clinical use // *Circulation*. 1996. № 93. P. 1043–1065.

Wenzlaff R. M., Wegner D. Thought suppression // *Annual Review Psychology*. 2000. Vol. 51. P. 59–91.

E. I. Nikolaeva

PUNISHMENTS AND REWARD IN MODERN FAMILIES: THE NEW RESEARCH DATA

The purposes of this research was to compare children an parents cognitions about feelings each other under punishments and rewards, and appreciate the children heart rate variation during remembering the situation rewards and punishments. 184 adults and children were participants. We used SPSS for statistics. We show discrepancy of children and parents cognitions about feelings under punishments and rewards. If child think that nobody reward him (her) there are no any vegetative answer of his (her) body to any kind of punishment.

Keywords: punishment, reward, family, parents, children.